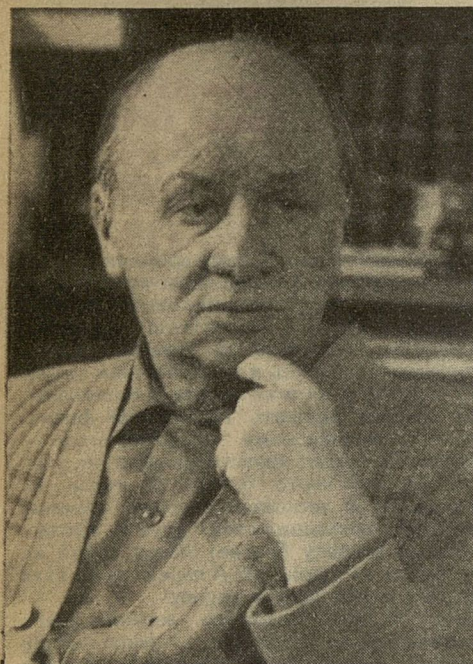

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Виктор Розов:

«Всегда был счастливым человеком»

Из нашей почты выбрала пачку писем, которые при всей разности содержания пересекаются в одной «болевой», как видно, для авторов посланий точке: «личность», «индивидуальность»... Не вообще, что это такое, а в применении к ним самим, самым, казалось бы, обыкновенным: можно ли поставить перед собой специальную цель — *строить* личность? Себя строить?

Полагаю, очень точный для наших корреспондентов адресат, со всеми их «как быть?», «можно ли?», «что это значит?» — известный советский драматург лауреат Государственной премии СССР Виктор Сергеевич Розов. Вспомним героев его произведений... Возраст, когда что-то проявилось, но не устоялось, не сформировалось. «Глина», из которой лепится характер, «строится» человек, еще не застыла, она пластична, податлива. Возраст, когда все пробуют, все выбирают: друзей, принципы отношений, выбирают — кем быть, каким быть.

— Что ж. Можно подумать, поразмышлять. А начну издадека... В самом начале войны 76-миллиметровая пушка наша была на конной тяге, и к каждому бойцу был прикреплен конь, за которым надо было ухаживать. Я любил своего жеребца, кормил его, чистил, ласкал. И конь любил меня. И вот однажды, в час отдыха, скакали мы с ним, скакали, и вдруг с жеребцом что-то случилось. Он стал забирать правее и правее, куда мне ехать было нельзя. Натягиваю поводья — он упрямо, остервенело, зло рвет в свою сторону. Идет бой — он за свое желание, я за свое... И вдруг Вася выпрямляет ход и несет меня в проем большого сарая — не упали я ему на шею, голова моя с треском разлетелась бы о деревянный брус перекаладины... Не мной определен человек как мифическое существо кентавр — слитность коня и всадника воедино. Конь — наши страсти, чувства, желания, порывы. Сколько в жизни разных соблазнов, которые дразнят скакуна, на котором мы сидим! Но именно сидящий на коне может держать поводья и править. Научиться управлять конем. Для этого человеку даны разум, воля, особая форма знания — интуиция.

Как же тогда управлять этим конем — чувствами? Ведь они иногда по своей силе равны тринитротолуолу. Можно ими управлять и в какой степени управлять надо? Ведь именно чувства и дают главное наслаждение жизнью. Помните у Достоевского: «Надо любить жизнь больше, чем смысл ее»? Попробуем, хотя бы робко, разобратся во всем этом, казалось бы, хаосе... Иначе вопрос «себя строить» так и останется лишь вопросом.

Убежден: труднее всего дается человеку не овладение профессией, а умение выстроить именно самого себя. (Впрочем, я не впервые высказываю эту мысль. Твердил, буду твердить, потому что все это бесконечно волнует меня. И коль скоро этот материал будет напечатан, не исключено, в чем-то повторюсь. Да ведь повторение — мать учения.)

...Это очень трудно, это почти непосильно. Как легко научить ребенка ходить, держать ложку, пить из чашки, одеваться-умываться, обучить грамоте и т. п. Можно добиться больших внешних успехов, разными хитрыми путями стать важной персоной, получить награды... Но это еще не говорит в пользу человека.

*Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.*

Это у Бернса, и давным-давно сказано. А сейчас? Право же, легче построить гигантскую ГЭС, распахать и засеять целину, отправить на месяцы корабль в космос, чем сделать человека Человеком. Как могло случиться, что в нашем обществе, где столько говорится о сознательности, развелось за последние годы такое количество пьяниц, воров, взяточников, допотопных чинуш, что пришлось объявить им настоящую войну? Неужто и впрямь прав Анатолий Франс, заметивший иронически: «Человечество должно быть принуждаемо к добродетели...»?

Так вот, *воспитание* ставлю на первое место среди самых неотложных наших дел. Никакие распоряжения, постановления, решения всерьез не сдвинут с мертвой точки все неотложные дела, если люди сами не захотят сделаться «честными малыми», сделать из себя таковых. Так много накопилось у меня по поводу этого в душе — выплесну, что лежит прямо на поверхности. Наши дети, пока не обзаведутся собственными семьями, детьми, питаются духом дома — так питались они материнским молоком, когда лежали в своих детских хороших кроватках. Появились за последнее время микробы, которые разъедают здоровый дух дома. Нет модных штанов-сапог-дубленок — ноют. Достанут, слава богу, и то, и другое, и третье — снова ноют: чего-то снова не хватает для полного счастья.

Завидуют. Всем. Всем. Куда еще ни шло — соседке, купившей «необыкновенный» кухонный гарнитур. Завидуют уму, таланту другого. Порядочности завидуют, если сам не очень порядочен. Завидуют чужой судьбе, более счастливой, более удачливой. Интеллигентность — тоже «предмет» зависти. Пространство же собственной души заполняют всяческими псевдодобродетями, и кажется, что они довольны, хотя в сущности несчастные это люди — корчатся в муках душевного неустройства, этаким суетливости. Да просто люди погибшие, ведь зависть, при всей своей глубокой бессмысленности, разъедает человека до основания. А рядом наши дети, и они видят,

чувствуют все. Видят гораздо больше, чем мы, взрослые, предполагаем. Видят и молчат. Пока молчат...

— Молчат-то молчат. Но микроб в них уже попал. Живет. Развивается. Микроб обывательщины. Рядилось, рядится мещанство в разные одежды, а сегодня на нем такие ультрасовременные наряды, такая упаковочка, что его и собственным именем вроде не назовешь. Обывательщина где-то рядом с достижениями научно-технической революции, с удовлетворением растущих материальных потребностей, с повышением нашего благосостояния.

— При этом удивительная нетерпимость друг к другу, даже между очень близкими людьми. Неумение быть благородным, снисходительным, нежелание пройти, как бы не замечая, мимо промахов, ошибок ближнего. Требование чуть ли не идеального поведения. От других, разумеется. От детей в первую очередь. Просто замучили их своей серьезностью. «Ты должен быть ответственным за свои поступки!» — слышит ребенок чуть ли не с пятилетнего возраста. Наполняем его среднеарифметическими данными о жизни и поведении в жизни. Течем в нос выдающимися примерами. Забываем главное: самое лучшее наглядное пособие для воспитания — мы сами, самый «выдающийся» пример — наш собственный. Ну что-то, безусловно, объяснить своему чаду мы обязаны: не чавкать за столом, правильно держать ложку-вилку — остальное войдет в ребенка само по себе, если дух дома здоровый. Потом ведь дети не любят, когда их «воспитывают» и «воспитывают», — мы разве любили?! Вспоминаю семью товарища своего детства Кирилла Воскресенского. У них был небольшой домик, где мы, стайка из двенадцати — четырнадцати подростков, «паслись» после уроков по несколько часов в день. Лупили в пинг-понг — мячик то и дело попадал в прекрасное трюмо... И никогда: «нельзя, не смейте, не лезьте, не трогайте, не берите, не вертитесь»... Сейчас, знаю, и товарищей сына-дочери в иной дом не пускают: полы натерты, вазы расставлены, всякое там барахлишко... И вот: «Ах-ах, не заходите, идите играть куда-нибудь в другое место. У нас так прибрано, так чисто, так хорошо». Что ж, вещи бережем — детей зато теряем. Мало того что воспитываем, как правило, методом окриков и приказов, покорности еще требуем. Непременно — покорности. А молодость резва, взрывчатая, непокорна, ну, хотя бы в том школярском плане, в каком

привыкли мы толковать послушание и уважение к старшим.

Нет близости между родителями и детьми.

Но сложность воспитания в том, что при всей общности человеческих чувств нет на свете двух одинаковых людей. Природой все отмеривается каждому своей мерой. Под каждым — свой собственный «конь»... И также от природы человеку дана возможность мыслить не только для того, чтобы он познавал и преобразовывал окружающий его мир. Чтобы познал он и преобразовал самого себя.

— Сама мысль о «преобразовании самого себя» пугает родителей, а если приходишь к ней, то слишком поздно: наши дети уже прекрасно ориентируются, что можно делать, только когда другие не видят, что надо непременно утаить от взрослых и т. д. Ведь мы давим и давим на них, никак не даем развиваться элементам той естественности, внутренней активности, того положительного, что заложено в человеке изначально. Потому-то, наверное, и нет близости между родителями и детьми. Зачастую, по крайней мере.

— К вопросу о преобразовании самого себя. Когда мне было лет двадцать, я, будучи в то время худым и шуплым, схватил за лацканы пиджака одного взрослого человека — он обидел меня, — приподнял и ударил о стену. И обида-то была трехкопеечная, и человек-то был очень милый, но что-то вырвалось из меня. И жертва моя, я видел, побледнела и смущенно сказала: «Извини». Был вспыльчив. Потом научился справляться с дурными порывами. Как научился, от кого научился, точно ответить не могу. Видимо, от родителей, от друзей. А может быть, клетки моего сформировавшегося организма изменили свой групповой рисунок, он стал более устойчивым, управляемым. Думаю, большую роль играет тренаж. Обыкновенная тренировка, как на стадионе. Сдержаться раз, потом второй, третий, пятый, десятый, двадцать пятый — невидимые мускулы души станут натренированными. Не могу дать научного определения понятию «человеческая воля», но именно она, на мой взгляд, может удержать нас в седле.

Самовоспитание требует не только усилия воли — *усилия мысли*. Считаю: человеку надо находить время, чтобы быть наедине с самим собой. Размышлять о себе. О своих поступках. О внутренних побуждениях. Пытаться видеть себя глазами других людей.

В юности приходила мысль о самоубийстве: неразделенная любовь. Скажу больше: совсем близко подходил к краю пропасти. Что остановило на этом краю?.. Мысль о близких мне людях, о потрясении, страданиях, которые мог бы им принести. Я должен был *страдать сам*, страдать беспредельно, но не перекладывать свои страдания на

Фото Юрия Козлова.

других, ни в чем не повинных людей. Позднее, значительно позднее понял: эти мои страдания также счастье жизни, ее полнота, сила, красота. И они проходят. А уж как писателю, попросту говоря, все это мне пригодилось для работы: было куда макать перо.

Мне жалки молодые люди, которые любят выставлять напоказ свои сугубо личные переживания, носиться с ними как с писаной торбой, стараясь заставить других поваландаться в этой порой мутной воде. Зачем?! Приносит ли это облегчение? Нет! Только растравляет раны, приучает к душевной распушенности.

Я вообще сторонник того, что надо уметь нести груз своей личной жизни всегда с достоинством, а часто и в одиночку.

Человек от рождения оснащен множеством приборов, как корабль, отправляющийся в дальнее плавание. Сломайся один из них, и он может сбиться с курса, а то и сесть на мель и потерпеть крушение. Умение бережно сохранить тонкие приборы, которыми наделяет нас природа при рождении, величайшее дело. Поломать их легче легкого. «Э, буду жить, как все», — решает молодой человек, попавший в среду бессовестных, бесчестных людей. Дурные страсти заразительны, и чем большее количество людей ими поражено, тем легче капитулируют другие. Но воспитанные в человеке честь, уважение к собственному «я», твердые принципы, сильная воля могут дать больше пользы, чем приказания, указания, увещевания. Пасовать перед людьми скверными — значит давать возможность отнимать у других, у тебя в том числе, радость жизни, предоставлять им право действовать безнаказанно. А им нельзя давать пощады. Никогда и ни в чем.

Считаю, что быть хорошим человеком трудно.

— Но вот даже неплохая девушка, неплохой юноша бьются изо всех сил, чтобы обзавестись той или иной модной «тряпкой».

— Смотреть на это горько. Привить с детства ровное, спокойное отношение к вещам — большое благо и для молодых людей, и для всего общества.

— Социологи пытаются выработать научные критерии разумных потребностей молодежи, хотя в то же время наблюдается тенденция к постоянному повышению уровня запросов...

— Научные критерии — это, конечно, замечательно, и все-таки сам человек для себя должен определить разумную меру отношения к вещному миру.

Считаю, что человек развивается в бесконечной внутренней борьбе с самим собой... Есть испытания на успех, на славу, на высокую должность. Самое сильное испытание — на власть. Каждому, почти каждому молодому человеку свойственно стремление к успеху, материальному благополучию, определенному общественному положению. Принцип личной заинтересованности, повторяю, остается как принцип важный и естественный. Никогда не надо забывать: дать людям как можно больше. Отдать им все силы ума, сердца, мускулов... Самому довольствоваться очень скромным. И быть счастливым оттого, что ты имеешь возможность сделать других счастливее. «Руководить — значит служить руководимым, а не требовать услуг с их стороны» — это поразительное по точности обобщение я выписал для себя из воспоминаний великого русского актера Михаила Чехова и считаю, что в нем — философия власти. Каждый на это способен?! Способен ли «всадник» не только удержаться в седле, но vybrать единственно верную дорогу?

Люди хотят быть счастливыми — это их естественная потребность. Но что такое счастье? Где кроется его сердцевина? «Здоровый дух в здоровом теле» — этой фразой великий английский философ-материалист Джон Локк сказал о счастье решительно все: счастье — в гармонии личности. Но «личности»-то все разные... Когда в тридцать четвертом году я приехал в Москву учиться и, не имея жилья, больше полугода ночевал где попало — на улице, на вокзалах, у случайных знакомых, — разве я был несчастлив?! Москва с ее необыкновенными зданиями, возможность учиться, три библиотеки, куда я был записан, — Ленинская, историческая, на Арбате, и везде книги брал, читал, вовремя сдавал, — новые друзья... Все это наполняло меня каким-то бешеным чувством счастья. Бедность была просто неслыханная — чтобы платить за комнатку в келье монастыря, которую удалось наконец снять, и не умереть при этом с голодухи, надо было подрабатывать. Делал все что придется, с ног валился от усталости, плакал иногда от отчаяния, но был счастлив... Сейчас скажут, кто прочтет эти строки: «Вы старый, вы другого поколения, вы такой-сякой...» Скажут! Ну и пусть!

Мне семьдесят три года. Половину своей жизни я жил бедно, а порой очень бедно. Но был счастливым человеком: учился, любил, дружил, познавал мир и утром, вставая с постели, видел в окно небо, ясное, или в облаках, или в тучах, но всегда наполняющее радостью жизни. «Бедновато ты живешь», — слышал я от многих и отвечал: «Не в деньгах дело». — «Это ты так говоришь, потому что у тебя их нет»... Половину жизни живу обеспеченно и по-прежнему больше всего ценю то, что ценил раньше. Пожалуй, только прибавилось понимания радости здоровья, которого теперь маловато. И когда теперь говорю: «Не в деньгах счастье», люди укоризненно качают головой: «Потому что они у тебя есть»...

Мудро и лукаво Горький заметил, что жизнь всегда будет достаточно плоха, чтобы желание лучшего не угасло в человечестве. А Чехов писал: «Если хочешь стать оптимистом и понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай сам и вникай». При всей шутливости совета обратите внимание на начало фразы: «Если хочешь стать оптимистом». И еще — «вникай сам». Умей сам сделать себя счастливым.

Нельзя ждать, что кто-то придет со стороны и сделает тебя порядочным человеком, а жизнь твою счастливой. Надо вступать в битву за самого себя.

Беседовала

Инна Дуцицкая.